

18+

Анна Розен

Когда меня ещё не было

Анна Розен

Когда меня ещё не было

«Издательские решения»

Розен А.

Когда меня ещё не было / А. Розен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510573-8

Рассказы и повесть, представленные в книге, будут интересны каждому, для кого внутренний мир человека является неразгаданной тайной, которую можно только приоткрыть, но нельзя познать полностью...

ISBN 978-5-00-510573-8

© Розен А.
© Издательские решения

Содержание

Рассказы	6
ДЕВОЧКИ РАЗНОГО ВОЗРАСТА	6
ПЕРЕХОД	8
ЛОЖЕ ИЗ ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ	9
ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ	10
ПАДЕНИЕ С ВЫСОТЫ СОБСТВЕННОГО ТЕЛА	12
ГОРОД-МЕЧТА	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Когда меня ещё не было

Анна Розен

© Анна Розен, 2020

ISBN 978-5-0051-0573-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы

ДЕВОЧКИ РАЗНОГО ВОЗРАСТА

Сегодня мне исполнилось семнадцать. Я жду, что встречу ЕГО – мою судьбу. Мою вторую половинку. Он будет самый лучший, самый красивый. Он обязательно будет любить меня до безумия. Именно так – до безумия.

Я иду по улице... нет, я в клубе... нет, до восемнадцати не пускают... Иду по супермаркету, а он шагает мне на встречу с тележкой, заполненной всякой всячиной. А я забыла тележку, поэтому несу в руках банку с огурцами, нет, не с огурцами, а... Я несу в руках что-то большое и неудобное. Он, увидев меня, мои завитушки волос, маленький платочек на шее и узкое запястье, усыпанное разноцветными бусинками самодельного браслета, приостанавливается, и поймав мой мимолетный взгляд, пытается заговорить. Немножко бестолково предлагает воспользоваться его тележкой и краснеет до самых кончиков ушей.

Я сразу понимаю, что понравилась, очень понравилась ему – моей судьбе двухметрового роста с пухлыми детскими губами и ёжиком русых волос на голове. Мы вместе бродим по бесконечным рядам, заполненным пузатыми баночками и вытянутыми флакончиками. Там, среди ароматов и пестрых наклеек, он берёт меня за руку и приглушенным голосом предлагает встретиться вечером.

Моё первое свидание. Я очень романтичная, немножко смущённая и невозможно красивая. Я спешу, прижимая к бедру маленькую лаковую сумочку на тонкой нитке из металлических звеньев. Я волнуюсь. Уже издалека вижу в его руках букет с шариками золотистых хризантем.

Неужели мне? – спрашиваю у себя.

Неужели мне! – восторгаюсь я.

Он не слышит эти рифмованные строчки, он ждёт, меряя шагами пяточок около скамейки.

Меня переполняют эмоции, захлёстывая штормовыми волнами неудержимой радости, восторга, трепета и чего-то ещё, замешанного на страхе и желании убежать.

Я подхожу к нему, чтобы не заметил. Так нужно. Чтобы заранее не видел, но, обернувшись, ахнул. Не вслух, разумеется, а в глубине души, чтобы я увидела распахнувшиеся от удивления глаза, пересохшие губы, неловкое движение руки и робкое – это тебе... цветы...

Потом мы будем гулять до звёздочек, зажигающихся осколками в небе. Он попытается меня обнять. Его рука, такая горячая, слегка коснётся тонкими пальцами воздушного кружева на моем плече...

Я ничего не чувствую. Интересно, это из-за того, что мы уже кучу лет вместе или у меня просто нет настроения? Я отстраняюсь. Я не хочу ничего объяснять, да и он, по-моему, не особо горит желанием что-либо слушать. Он умает о чём-то своем, улетающем в другую плоскость существования. Я давно научилась видеть и принимать этот полёт со множеством неизвестных.

Мне не жалко, ревности нет. У меня тоже есть другая плоскость или даже несколько.

Почему мы вместе? Удобно, наверное. Ему удобно, что без обязательств, без истерик и с пониманием. А мне удобно... Почему мне удобно? С ним не холодно. Он тёплый, как плюшевый медведь, к мягкому животу которого прислонишься, закроешь глаза... и тебе снятся детские сны со вкусом шоколадных конфет и берёзового сока. Я очень люблю берёзовый сок в больших трёхлитровых банках с пожухшей бумажкой на круглом боку. Жаль, что его больше не продают.

Завтра мне исполнится сорок. Смотрю на себя в прямоугольник антикварного зеркала и отмечаю, что ещё ничего – глазки блестят, контур лица не обвис тяжелыми складками бульдожьей породы. Живот не мешало бы подтянуть. Хотя некоторая округлость, ставшая несмысленным отпечатком состоявшегося материнства, более женственна. Впрочем, как и грудь, отяжелевшая, с маленькой ложбинкой меж уютных чашечек прозрачного бюстгалтера.

Надо что-то менять или кого-то менять. Разомкнуть спаянное, разорвать склеенное... Хочется, чтобы не только тепло, но и жарко, везде, в каждой клеточке, когда касается рукой. Хочется краснеть и глупо улыбаться, когда шепчет на ушко. Хочется замирать и покрываться пупырышками, когда слышишь шаги и чувствуешь дыхание. Осталось не так уж много времени. У женщины вообще времени не много. Тебе все ещё кажется, что цветёшь. Твои каблучки ещё звонко и призывно стучат о разомлевшую поверхность уходящего лета. И шарфик на гладкой шее ещё манит неутолённой жаждой чувственного и душевного наполнения. Улыбаешься в надежде... но мужчины слишком быстро теряют интерес, переводя взгляд на коротенькую юбочку подрастающей нимфетки.

Я помню, как невзначай обронила ключи и попыталась поднять их с заляпанного пола обветшалого подъезда. Тогда в моей спине что-то хрустнуло и встало несгибаемой палкой поперёк поясницы. Еле доковыляла до продавленного дивана. Он хоть и старенький, но очень удобный.

Навечно запечатлев контур моего тела, диван с нескрываемым наслаждением принял меня в свои скрипучие объятия, нежно прижался потёртыми подлокотниками, и надорвавшись пружинами напел позабытую мелодию из проскользнувшей молодости.

Зря я перестала ходить в группу здоровья: гимнастика, водные процедуры, давление измерят, молоденькая тренерша новую маску посоветует, модную диету подскажет.

Решено. Снова пойду.

Отмечу юбилей и пойду. Жаль только, что мужичков там нет. С ними веселее. Конечно, не со всеми. Мне чаще попадались занудистые. Я заметила, такие дольше живут. Видимо и там, наверху, не очень-то прельщает их постоянное недовольство, заунывность и мрачный вид.

Всем хочется хорошего настроения и положительных эмоций. И я не исключение. С превеликим удовольствием замутила бы лёгкий флирт с каким-нибудь седовласым балагуром. В кино ходили бы, на танцы «для тех, кому за...», а потом на лавочке сидели бы, вспоминая прошедшее и придумывая планы на завтра. Можно и на послезавтра. Как будто впереди бесконечность и мы будем жить вечно.

ПЕРЕХОД

С собой нужно обязательно взять лопату, спрей от комаров, небольшую бутылку воды, спальник, можно маленькую подушечку и главное – спасительный пузырёк. Он и есть то самое чудо, которое перенесёт меня в другое. Я так решила. Мне так хочется. Я этого жду.

Где-то расписание на электричку, чтобы не оплошать со временем.

Выйду рядом с лесочком, а там недалеко...

Что же мне надеть? Кроссовки – это первое. Еще нужен спортивный костюм и какая-нибудь футболка – голубая – в тон распогодившемуся небу. Обязательно тонкое бельё с кружевом цвета кофе с молоком. Схожу в салон, сделаю маникюр, укладку и брови. Хочу выглядеть красиво.

Кажется, всё, ничего не забыла. Теперь осталось воплотить задуманное. Одежда потребует новая. Где-то у меня был абсолютно «ни разу не надёванный» спортивный костюм. Подумаем-подумаем – в шкафу на самой дальней полке. Такой дальней, что придется нести табуретку, и вставая на цыпочки, вытянутой рукой произвести раскоп. Всё спрятано надёжно, на всякий случай. И теперь этот случай наступил.

В салоне исключительно по записи. Именно так – исключительно. Что она исключает непонятно, но несомненно, определит час икс. Хочу, чтобы переход случился до двух часов дня, когда солнце ещё на макушке деревьев висит зреющим яблоком.

Красавишна неопишная – глядя на себя новую в зеркале салона, подумала я. Мастера постарались, вложили душу. Стоит такое удовольствие дорого, но зачем мелочиться, когда на кону НАСТОЯЩЕЕ СОБЫТИЕ – крупными буквами отпечатывается в мозгу.

Сегодня у меня однодневный пост. В холодильнике, кроме минеральной воды, ничего нет, чтобы не тянуло разбавить однообразие, заесть волнение перед грядущим. В голове тоже пусто, как в холодильнике. Думала, подумаю, но не думается – каламбурчивая тишина. Наверное, так надо.

Электричка сотрясает организм, колёса монотонно отстукивают в голове тыдым-тыдым, тыдым-тыдым... Прикрываю веки, подставляю лицо солнечным лучам, тщетно пытающимся пробиться сквозь мутное окно вагона.

Моя станция. Пробираюсь к распахнутым дверям, стараясь не задеть сидящих объёмным мешком за плечами. Моя нога касается потрескавшейся платформы, лопата бряцает о серую поверхность, стараясь выскользнуть из рук. Подхватываю и сжимаю пальцами так, что побелели костяшки.

Иду по тропинке: вокруг листочки, деревья, кустарники – обычное наполнение за чертой городских выхлопов. Ещё немного и должно показаться озеро, с одной стороны которого затерялся холмик в плену старых осин, как плешь под каской бывалого вояки.

Лопата легко вонзается в рассыпчатую плоть земли. Углубление ширится согласно параметрам моего щедрого тела. Спальник обрызгиваю спреем. Пузырёк по-дружески делится своим содержимым, которое я запиваю водой из бутылки с наклейкой «Живой источник». Осталось застегнуть молнию.

Всё.

Смотрю в небо – глаза широко открыты, руки повисли безвольными плетями тела вдоль. Ноги расслабленно прямолинейны и только одна мысль окутывает затухающее сознание – тебя никто не любит, ты должна умереть.

ЛОЖЕ ИЗ ОПАВШИХ ЛИСТЬЕВ

Я спешу к тебе и к себе, но больше к тебе. Сегодня праздник. Сегодня солнечный день и праздник. Ты помнишь?

Мы познакомились осенью, было тепло и много жёлтых листьев. Они взлетали, когда ты острым носком ботинка разгонял их сонливость. Мы смеялись. Было хорошо.

Ты смотришь куда-то, прищутив глаза.

– Что ты видишь?

Молчишь.

– Что ты видишь? – шёпотом переспрашиваю я, дотянувшись губами до твоего уха.

Пальцы переплетены, крепко, не разомкнуть.

Прошло всего несколько дней после знакомства, а нас не разлучить.

– Мы половинки, я так чувствую. А что чувствуешь ты?

– То же, – соглашаешься ты и целуешь мои пальцы.

– Мне не хватает воздуха от счастья, я задыхаюсь от счастья!

– Дыши глубже, – улыбаясь произносишь ты.

– Я заполняюсь пузырьками счастья!

– Пузырьками, – поправляешь ты.

– Нет, пузырьками, – настаиваю я.

Мне смешно. Я смеюсь очень громко, звонко хлопая в ладоши. Ты смотришь в мои глаза и улыбаешься.

Пальцы переплетены, крепко, не разомкнуть.

Пожелтевшая трава, опавшие листья... Они ложе для слияния наших тел, для слияния наших душ. Я кладу голову тебе на грудь, закрываю глаза. Ты перебираешь мои волосы, украдкой целуешь макушку, как будто я ребёнок. Я хочу, чтобы этот день длился вечно.

– Все когда-нибудь проходит, – уверяешь ты.

– Все когда-нибудь проходит, – очень тихо повторяешь ты, прижимая меня к своему телу.

Похолодало. Мы идём по мощёной дорожке. Каблук застревает в маленькой прорехе между плитками, устилающими ступеньки. Я опираюсь на твою руку, высвобождаю каблук. Ты – моя опора. Я так чувствую.

Пальцы переплетены, крепко, не разомкнуть.

Вдруг разломилось целое, очень быстро и безвозвратно. Я не могу вспомнить. Я не хочу вспоминать. Я пытаюсь заглянуть тебе в лицо.

– Только не плач, я не могу видеть твои слёзы, – хрипло произносишь ты. Тебе больно. Я вижу, как исказились твои губы.

– Что мне делать?

Молчишь.

– Что мне делать? – кричу я или не кричу. Не понимаю. Надо звонить, вызывать, повторять, что всё плохо, непоправимо плохо. Слушают. Не могу объяснить, глотаю слова, захлёбываюсь воплем.

– Ожидайте. – Будничный голос разрывает барабанную перепонку.

Не понимаю. Опять ничего не понимаю, только гудки доносятся из трубки.

Пальцы переплетены, крепко, не разомкнуть.

«Всё когда-нибудь проходит» – любил повторять ты. Я спешу к тебе и к себе, но больше к тебе. Сегодня праздник. Сегодня солнечный день и праздник. Ты помнишь?

ЗАКОЛДОВАННЫЙ КРУГ

Он ходит широкими, быстрыми шагами. Он торопится всегда, и глядя на этого вечно бегущего мужчину, мне хочется у него спросить – куда спешишь, человек?

Как у всякого представителя сильного пола, который знает, что эксклюзивный автомобиль – это не только определенный статус, но и детское воспоминание о несбыточной мечте иметь самую лучшую машинку среди сверстников в группе детского сада, у него есть свой железный конь. Цвет, как и подобает настоящему взрослому мальчику, чёрный. Он лихо ввинчивает его в поток таких же спешащих наездников.

Я заметила этого шумахера невзначай на каком-то из корпоративных сборищ. Потом мы столкнулись в столовой, которую новое начальство празднично переименовало в кафе, где по-прежнему на обед подавали первое, второе и компот.

Сегодня мужчина сидел напротив, что-то говорил фальцетом, и вдруг я увидела, насколько красивый профиль у моего соседа – высокий лоб, хорошо очерченные губы, прямой нос. Гладко выбритое лицо, испепеляющий взгляд и крупные с длинными тонкими пальцами руки дополняли его образ.

Что я знаю об этом человек помимо того, что чувствую притяжение к привлекательному мужчине среднего возраста? Да и надо ли мне что-то знать о нём? Скучные страницы стандартной биографии есть у каждого, а скелеты в шкафу могут быть настолько ужасны, что уничтожат любую зарождающуюся симпатию.

Решено, ничего не хочу знать о нём. Пусть его персональные данные останутся тайной хотя бы на какое-то время. Бывая в одном и том же пространстве, нельзя сохранять интригу вечно, но оттянуть момент неоднозначной развязки с кучей сомнительных подробностей всё-таки можно.

Так я размышляла под монотонное бормотание коучера, а по-простому, невразумительного вида, рано начавшего лысеть юноши, наивно полагающего, что он всё знает о том, как добиться карьерного роста. На самом деле, ростик был очень средненький и не стоил того, чтобы тратить на него даже рабочее время. Думать о давно позабытых эмоциях было намного приятней. Тем более, я могла домыслить недостающие детали понравившегося мне визави. И я домыслила.

Мое воображение живописало маслянистую поверхность зажаристых гренков, щедро усыпанных тертым «президентским» сыром с колечками черных маслин. Он ел их, откусывая большие куски. Говорил, что эти незамысловатые бутербродики, стейк из форели с молодыми побегами папоротника и бокал белого сухого вина очень недурны.

Что я горожу?! – грубо одергиваю свои фантазии. Какой стейк, какие молодые побеги... В столовке он всегда берет первое, второе, к которым прилагается пара кусков хлеба и компот – стандартный набор среднестатистического мужчины.

Я тоже за здоровое питание в рамках традиционной кухни. Все эти блюда по новомодным средиземноморским рецептам никак не хотят запечатлеться в моём неповторимом генетическом коде жителя самой большой страны в мире. Я с благоговением отношусь к традициям прошлого и он, наверное, тоже с благоговением, поэтому вкушаем мы первое, второе и компот. Или многовато для романтического ужина? Тогда оставим второе – отбивная с овощной нарезкой и красным вином, а потом... десерт...

Про притяжение и близость в дамских романах пишут... сейчас вспомню... по-моему, так – взгляд требовательный и страстный, руки – сильные и нежные, мужчина – охотник, женщина – трепетная лань... или наоборот... А вот ещё – кончики его пальцев касаются груди, губы впиваются...

Редкостная пошлятина – ехидничает чей-то голос в моей голове, – не хватает только бокала шампанского с пузырьками и клубники со сливками. Никогда не понимала, в чём очарование этого литературного убожества – вторю ему я очень даже серьёзно. Кстати, раньше к шампанскому подавали черную икру – дополняю вдогонку к убожеству.

Окидываю беглым взглядом ничего неподозревающего мачо: смотрит исподлобья, хмурится, поджимает губы, желваки ходят на скулах. Его раздражает все и всё – аршинными буквами бегущая строка раскрашивает черную полыхающую радужку. Сколько скрытых эмоций в этом раздражении. Не мужчина, а мечта!

Я вспоминаю, как совсем недавно его лицо озарилось мальчишеской улыбкой, оголяющей блеск зубов, – обманчивое впечатление открытости и дружелюбия. На тропе он один, хотя вокруг много сопричастных. Он волк. Надо проявить большую изобретательность, чтобы загнать этого хищника за флажки.

Несколько капель манящего аромата на хрупкие запястья станут прологом на пути к заколдованному кругу, отмеченного красной нитью. Охота началась.

ПАДЕНИЕ С ВЫСОТЫ СОБСТВЕННОГО ТЕЛА

Ох, как она обожала свою ненависть, животную и неконтролируемую ненависть! Она с упоением предвкушала, как внутри грудной клетки возникнет тяжесть, начнёт разрастаться и уже эта тяжесть сдавливает грудь, по капле просачивается в живот, набухает, дыхание учащается... Ещё немного и ненависть стремительным потоком разольется по всему телу, и тело превратится в огромный пульсирующий шар с гладкими глянцевыми боками.

В такие минуты, окружающие сжимались и становились какими-то невнятными точками. Их пробирала дрожь, пронизывая острыми иголочками тоненькую поверхность пупырчатой кожи. Зрелище этой деформации человеческой сущности подпитывало её ненависть и продлевало её наслаждение ненавистью.

Первым, от кого она избавилась, был собственный отец. Жалкий и никчемный пьяница, гуляка и балагур, он не давал ей чувствовать своё превосходство. У него получалось подавлять её простым пренебрежением, нежеланием считаться с ней. Рядом с ним ненависть замыкалась внутри утробы, и не находя выхода, начинала пожирать свою хозяйку.

Она тщательно продумывала и готовилась к освобождению, к тому, как её ненависть развернется во всю ширь малогабаритной квартиры. Представляла, как мать, любившая до беспамятства этого забулдыгу, и не понимавшая, почему на старости лет должна остаться одна, прогонит отца из дома. Вышвырнет, как мусорный мешок, забитый до отказа останками биологического существования. И она поможет этой неумехе, такой сердобольной и всепрощающей. Она поддержит её своей ненавистью. Она будет смаковать каждую минуту, наполненную упоительным ощущением власти, её власти, даруемой ненавистью.

Позднее, вспоминая испуганные глаза отца, оказавшегося в тот день трезвым, и с неподдельным ужасом наблюдавший за ее перевоплощением, она с упоением думала, что эффект оказался более впечатляющим, нежели она рассчитывала: он пятился, открывал беззвучно рот, пытался ухватиться руками за дверь...

– Наташа, Наташа, пусть он останется, – вдруг робко попросила мать.

– Останется?! Останется?! – громко выкрикивала она, щедро сдабривая словами матери топку всепожирающей ненависти.

Отца больше нет в их жизни, может его вообще больше нет. Освободившись от подавляющей нелепости, она стала настоящей хозяйкой. Хозяйкой у матери, слепо исполняющей все её прихоти, хозяйкой панельного метража, раскидав по крошечным комнаткам ворох палящих эмоций. Брат не в счет. Он такой же бесхарактерный, как и мать.

Вскоре появился муж. Она сразу поняла, что этот парень с мягким взглядом, краснеющий от собственной неловкости и неповоротливости, будет беспрекословно подчиняться ей. Он спал у её двери, как преданная собака. Вымаливал свидания. Он просил у неё прощения за то, что когда-то в его жизни была одна – другая. Он бросал работу, мчался, чтобы выяснить, почему она не отвечает на телефонные звонки. Чем больше он старался укутать её в ощущение тепла от пушистого и мягкого пледа, тем больше она ненавидела мужа. Его добродушие большого плюшевого медведя позволяло ей безнаказанно выплескивать свою ненависть. Его неспособность защищаться и нежелание причинять боль подстегивали её воображение, заставляя придумывать все более изощренные способы унижения.

Она, громко смеясь и извиваясь все телом, изображала его конвульсивные подергивания во время близости. Она с радостью наблюдала, как его голос застревал в гортани, не в силах ответить на её обвинения в мужской несостоятельности. Она могла поклясться, что в такие минуты его мужское начало распадалась на кусочки неопределенной формы, а в глазах появлялись прозрачные капельки солоноватой жидкости.

Первый ребёнок стал еще одним поводом, чтобы подпитывать ненависть к мужу. Сын рос болезненным, вялым мальчиком, поздно начал ходить и разговаривать, и конечно, виноват в этом был муж. Она каждый день напоминала о вине, которую он никогда не сможет искупить. Ведь он изначально никудышный и никчемный. Она просто пожалела его, а теперь вынуждена страдать, и он должен быть благодарен. И он был благодарен. Он заискивающе заглядывал ей в лицо своими одутловатыми щеками. Он отдавал ей заработанное и радовался как ребенок, если она позволяла ему купить несколько порций любимого пломбира.

Она долго не решалась на второго – младенец слишком отвлекает, заставляя ухаживать за собой. Но чем старше становился первенец, тем все больше она хотела дочку, чтобы передать ей свою силу, убивающую и возносящую. Она расценивала себя как нечто уникальное, поэтому была уверена, что её навыки и опыт настолько ценны, что не могут исчезнуть вместе с ней, они должны воплощаться снова и снова.

На УЗИ сказали, что будет мальчик. Она ответила докторше, что мальчик ей не нужен, у неё уже есть мальчик, а потом всю ночь представляла себе, как умирает этот ненужный. Но он не умер, его пришлось нести домой.

Где-то полгода спустя, она увидела, что муж очень привязался к мальчишке. Именно увидела, на фотографии. Во взгляде этого недотёпы было столько любви и нежности, что её даже передернуло от накатившей брезгливости. Впервые за пятнадцать лет семейной жизни в голове промелькнула мысль, что муж начал ускользать от неё. Нет, он её не бросит. Но он перестал принадлежать ей. Что могло произойти? Неужели этот орущий кусок мяса смог отобрать его?!

Она, такая умная и правильная, хитрая и изворотливая, обязательно что-нибудь придумает. Её ненависть подскажет верный ход, её ненависть направит в нужное русло, как это было прежде.

Как-то вечером, когда муж пришел с работы, она объявила ему, что хочет развестись. Раньше при этих словах у мужа начинали трястись руки, в округлившись глазах появлялся ужас загнанного животного...

Сейчас он продолжал неторопливо раздеваться. Он игнорировал её, он стал безразличен. Впервые за много лет ненависть замкнулась в животе, впиваясь в розовую мякоть утробы своей хозяйки.

– Ты оглох? Я развожусь с тобой!

Её слова повисли, а затем просто растворились в воздухе. В голове пульсировало – он стал как отец, он стал как отец!

Раздавленная и обессиленная, она лежала на кровати. Она перестала быть хозяйкой. Как могло случиться, что это тупое и примитивное существо заняло её место. Место, которое принадлежит только ей, и никто не имеет право присваивать его. Она не сможет дальше с ним жить, как не могла жить с отцом. Но и одна она жить не сможет, она никогда не жила одна. У неё дети, у неё старая и ни на что негодная мать. Он загнал её в угол, он во всем виноват, он предал её...

Новая волна ненависти впиалась в сердце и начала сдавливать его. Сначала потихоньку, затем сильнее, еще сильнее... Ненависть как будто наслаждалась тем, что могла причинять невыносимую боль. Она из всех сил старалась угодить своей хозяйке!

ГОРОД-МЕЧТА

Я разлюбила Питер, я больше его не люблю. Это произошло так внезапно и стало таким открытием для меня, что сначала я даже не поверила пустоте, образовавшейся на месте моего города мечты.

Лето было очень жарким, даже в августе. Первый раз я могла увидеть город иным, и в который раз я могла почувствовать с ним единение, таким родным и близким.

Но я ошиблась. Меня встретили чужие свежеекрашенные фасады, стыдливо прикрывающие грязное, заваленное смердящим мусором нутро дворов-колодцев. Чувство брезгливости и чего-то щемящеобидного комом застряло в горле.

Нагретый асфальт окутал ноги жарким липким одеялом. Его можно сбросить, только приткнувшись в какое-нибудь кафе-забегаловку, где в меню все уже закончилось акромья прогорклых палочек картошки фри, столиков с наполовину облезлой табличкой «заказано», и сотканной из серых льняных ниток официантки.

Она уже не видит никого, хотя только обед. Её интерес к жизни растворился ещё в утробе матери, бумажное лицо не знает мимики, а водянистые глаза (это не цвет, а выражение) смотрят в никуда. И если кто-то скажет «что взять с приезжих», то будут неправы. Она – не приезжая, а самая что ни на есть питерская или петербурженка, кому как больше нравится.

Петербурженки очень сильно отличаются от «гостей города» и других разновидностей пришлых. Их выцветшие лица и такая же выцветшая одежда стали неотъемлемой частью питерской промозглой погоды с низким и отталкивающим небом. Это лето оказалось слишком жарким и солнечным для них. Слишком обнажающим их обезличенность. Как будто кто-то плеснул в них водой и краски смылись с их облика, некогда прекрасного, а может и нет, сейчас уже понять невозможно.

В вагоне метро они стремительно плюхаются на сиденье и закрывают глаза. В эту секундную стремительность вложена вся энергия их вытянутых и плоских тел, их обесцвеченных и обездвиженных лиц. Их мужчины скрылись от изматывающей духоты, а может быть вымерли. Их так мало даже вечером, когда горожане спешат с работы домой.

Петербург – это женщина с мужским именем, одинокая, замкнувшаяся в себе, на себе... И как всякая женщина, наскоро склеивая из непослушных губ подобие улыбки, она пытается быть неотразимой для чужих, и распадается на осколки, увидев отражение своих в помутневшем зеркале коммунальной квартиры.

Если на Невском витрины сияют, завораживают и манят, стараясь соответствовать баснословной цене своей холеной и респектабельной плоти, то свернёшь в улочку и всё те же убогие магазинчики с незатейливым ассортиментом и грязными окнами. Причём окна всегда огромные, бесстыже оголяющие перед каждым свой обветшалый и поношенный организм.

Недалёко от остановки престарелая мороженщица с изможденным лицом и потрескавшимися руками сортирует в морозильнике эскимо, стаканчики и рожки. Другого не бывает. Спрашиваю – почему? Растерянность и удивление смешиваются в близоруких глазах. Нет настроения баловать изысками и разнообразием. Очень по-женски.

Экскурсовод – стремительная, летящая, скороговоркой информирует... суть ускользает, да и не важна и не нужна она этому существу, монотонно отбивающему звуки о головы загнанных туристов. Она уже там, с другими, и чем больше будет их – других, тем больше она зарабатывает. И нет ей дела, что не услышали, не поняли и хотели спросить.

Сейчас время, когда зарабатывают, а не восторгаются, задумываются, стараются осмыслить, познать... Женщина должна строить карьеру, содержать семью. Все усилия, желания, устремления направлены вперёд – в обеспеченное и сытое сейчас. А человеческое тепло, душевность будут завтра, когда-нибудь, если будут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.